

УДК 930.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-3-0-9

Пенской В. В.

Деконструкция деконструкции:
о книге Б. Тешке «Миф о 1648 годе...»

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы,
85, г. Белгород, 308015, Россия; penskoy@bsu.edu.ru

Аннотация. В последние десятилетия в гуманитарных науках наблюдается процесс пересмотра и ревизии прежних установок, доктрин и парадигм. Очевидно, что это является составной частью глобального процесса переоценки накопленного обществом эпохи модерна опыта, затронувшего практически все сферы жизни и деятельности и общества, и государства, и отдельных лиц или групп. Само собой, этот пересмотр не мог не затронуть и такую важную сферу деятельности государств, как международные отношения, тем более что события конца XX – начала XXI вв. в немалой степени этому поспособствовали. Пересмотр, казалось бы, устоявшихся норм и правил, официальных и неофициальных отношений между государствами поставил вопрос об их генезисе, и здесь не мог не возникнуть другой вопрос: насколько верно утверждение, что Вестфальский мир 1648 г., который подвел черту под Тридцатилетней войной, является той точкой отсчета, с которой в международных отношениях начинается Новое время. Это мнение, устоявшееся и в литературе, и в общественном мнении со второй половины минувшего столетия, в его конце стало подвергаться обоснованной критике. Данная статья представляет собой рецензию на вышедшее в 2019 г. (вторым изданием) в издательстве Высшей школы экономики исследование Б. Тешке «Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений». Критикуя «вестфальский миф», автор «Мифа о 1648 годе...» рассматривает его в широком историческом и временном контексте. Проанализировав основные аспекты, связанные с формированием системы международных отношений Нового времени, Б. Тешке приходит к выводу, что отнюдь не Вестфальский мир стал той первоосновой, на которой позднее возникло здание модерных международных отношений. Поддерживая выводы исследователя относительно ошибочности «вестфальского мифа» и подчеркивая неординарность его книги, автор рецензии вместе с тем обращает внимание на ряд спорных и дискуссионных мест в ней.

Ключевые слова: раннее Новое время; международные отношения; дипломатия; Тридцатилетняя война; Вестфальский мир.

Для цитирования: Пенской В.В. Деконструкция деконструкции: о книге Б. Тешке «Миф о 1648 годе...» // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 3. С. 108-125. DOI: 10.18413/2408-932X2020-6-3-0-9

V. V. Penskoj

**Deconstruction of deconstruction:
about the book "The myth of 1648 ..." by B. Teschke**

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russia;
penskoj@bsu.edu.ru

Abstract. In recent decades, there has been a process of reconsideration and revision of previous attitudes, doctrines and paradigms in the humanities. This phenomenon is an integral part of the global process of reassessment of the experience accumulated by the society of the modern era, which affected almost all spheres of life and activity of society, the state, and individuals or groups. Naturally, the modern era also affected international relations since the events of the late XX - early XXI centuries contributed to this to a large extent. The revision of the established norms and rules, written and unwritten, relations between states raised the question of their genesis. As a result, another question arose – how true is the assertion that the Peace of Westphalia in 1648, which put an end to the Thirty Years' War, is the starting point from which the New Age begins in international relations. This opinion, which has been established both in literature and in public opinion since the second half of the last century, at the end of it began to be subjected to reasonable criticism. This article is a review of the research by B. Teschke, published in 2019 (2nd edition) by the Higher School of Economics, "The Myth of 1648: Class, Geopolitics and the Creation of Modern International Relations." Criticizing the "Westphalian myth", the author of "The Myth of 1648 ..." examines it in a broad historical and temporal context. After analyzing the main aspects associated with the formation of the system of international relations in the modern era, B. Teschke comes to the conclusion that it was not the Peace of Westphalia that became the fundamental principle on which the building of modern international relations later arose. Supporting the conclusions of the researcher regarding the fallacy of the "Westphalian myth" and emphasizing the extraordinary of his book, the author of the review at the same time draws attention to a number of controversial places in it.

Key words: Early Modern, international relations; diplomacy; Thirty Years War; Peace of Westphalia

For citation: Penskoj, V. V. (2020), "Deconstruction of deconstruction: about the book "The myth of 1648 ..." by B. Teschke", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6 (3), 108-125, DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-3-0-9

В минувшем году издательством Высшей школы экономики было опубликовано 2-е издание (первое увидело свет в 2011 г.) работы немецкого исследователя Бенно Тешке «Миф о 1648 году: класс, геополитика и создание современных международных отношений» (Тешке, 2019; Teschke, 2003). Отметим, что эта монография стала логическим продолжением и развитием тезисов, высказанных в вышедшей в 2002 г. статье автора «Теорети-

зируя Вестфальскую систему государств: международные отношения от абсолютизма до капитализма», а также более ранней работы «Геополитические отношения в европейском Средневековье: история и теория» (Teschke, 1998; Teschke, 2002). Новое его исследование не прошло незамеченным. Вскоре после того как оно увидело свет, появились и первые отклики на него, в том числе и критического содержания (Little, 2004; Mansbach, 2004; Miller,

2004; Parrott, 2005), на которые автор не замедлил с ответом (кстати, сам Б. Тешке по итогам этого обсуждения отметил, что, на его взгляд, критика не выявила существенных изъянов в предложенной им концепции, и потому он не видит необходимости ее пересматривать) (Teschke, 2006).

Не осталась незамеченной книга и в России (см., например, работу Куприянова А.В. (Куприянов, 2019б)), хотя полноценной рецензии на нее пока не появилось, если не считать нескольких неформальных интернет-публикаций. Попробуем закрыть этот пробел хотя бы отчасти, одновременно обозначив возможности и перспективы иных подходов к изучению проблемы 1648 г.

Название книги выглядит, что и говорить, интригующе, поскольку в современной России тезис о том, что Вестфальский мир (под которым скрывается не одно соглашение, а система договоров, заключенных в течение 1648 г. и подведших итог сразу двум самым долгим войнам раннего Нового времени – испано-голландской Восьмидесятилетней и Тридцатилетней) стал тем фундаментом, на котором строится вся нынешняя система международных отношений и миропорядка, вплоть до самого последнего времени сомнению не подвергался (почему так получилось и кто выступил «застрельщиком» процесса пересмотра такого отношения к событиям в Вестфалии в современной России – об этом более подробно будет сказано ниже).

Сама по себе идея о вестфальской политической системе как праматери всех последующих систем международных отношений и соответствующего им миропорядка Нового и Новейшего времени (в виде цепочки Вестфалия – Вена – Париж – Берлин – Версаль – Ялта) стала своего рода аксиомой. В этом качестве она прочно закрепилась в «коллективном бессознательном» российских специалистов-международников и историков (см., например, работы Ивоной Л.И. (Ивоной,

на, 2015: 94), Минаева А.И. (Минаев, 2016: 56), Саямова Ю.Н. (Саямов, 2018: 97-98) и др.). Впрочем, стоит ли удивляться сформировавшемуся единомыслию, если эту концепцию поддерживает такой несомненный авторитет в международных отношениях, как Генри Киссинджер (Киссинджер, 2019: 43-46). Понятно, что при таком раскладе перевод на русский язык исследования немецкого политолога должен был стать своего рода сенсацией – ведь уже в аннотации к переводу говорится о том, что «настоящая книга опровергает распространенное представление о том, что Вестфальские мирные соглашения 1648 г. не только положили конец Тридцатилетней войне в Европе, но и ознаменовали собой рождение нового международного порядка, основанного на взаимодействии суверенных государств» (Тешке, 2019: 4).

Увы, фактически этого не произошло. Как уже было отмечено выше, работа Б. Тешке не получила должного отклика среди тех, кому она в первую очередь предназначалась. Весь парадокс в том, что за рубежом, в западноевропейской науке, уже достаточно давно существует пусть и не влиятельное, но заметное течение, которое подвергает разносторонней критике «Миф 1648 г.», при этом Б. Тешке со своими статьями и монографией отнюдь не первый исследователь, который усомнился в «фундаментальности» Вестфальских соглашений и той политической «системы», сложившейся в результате реализации подписанных в Мюнстере и Оснабрюке договоров. Исследовавший эту проблему отечественный ученый-международник А.В. Куприянов отмечал (Куприянов, 2019б: 41), что условия для ревизии «вестфальского мифа» (для удобства будем именно так именовать традиционную точку зрения на Вестфальский мир) сложились еще в 70-х гг. минувшего столетия (кстати, любопытно, но именно в это время в западной историографии формируется мощное течение, подвергшее ревизии основные концепции и теории, объясняющие

процессы политогенеза в раннее Новое время (об этом повороте см., например, исследование Коллманна (Kollmann, 2012: 1-3)). Однако собственно сам процесс пересмотра основных положений «вестфальского мифа», как указывал Куприянов, был запущен в 1993 г., когда британский ученый С. Краснер опубликовал свою работу «Вестфаль и все это» (Krasner, 1993).

Вслед за этой статьей появились и другие, в которых проблема Вестфальского мира как родоначальника всей современной системы международных отношений была рассмотрена с разных сторон и утвердившееся было мнение о революционном характере соглашений 1648 г. оказалось подвергнуто серьезной и обоснованной критике. Стоит заметить, что эта критика была высказана в первую очередь со стороны историков и юристов. Одним из первых критиков «вестфальского мифа» стал Д. Крокстон, опубликовавший в 1999 г. статью под названием «Вестфальский мир 1648 г. и происхождение суверенитета» (Croxtton, 1999), затем к критике присоединился Ст. Болак, опубликовавший ряд исследований (Beaulac, 2000; Beaulac, 2003 и др.), в которых в целом поддержал тезисы, высказанные Д. Крокстоном. В 2001 г. к их выступлениям присоединился голос немецкого исследователя-международника А. Осиандера, который в статье под интригующим названием «Суверенитет, международные отношения и вестфальский миф» подробно исследовал генезис «вестфальского мифа» и его основные постулаты (Osiander, 2001).

Одним словом, когда Б. Тешке выступил в 2002 г. со своей статьей, он уже не был первопроходцем в разработке проблемы «вестфальского мифа», и соответствующая почва была уже подготовлена и более или менее основательно взрыхлена. Однако он подошел к критике этого мифа с несколько необычной (во всяком случае, для современной России) позиции. Ключевым моментом в ней является проблема метода, той самой «отмычки», или архимедова рычага, посредством которого ис-

следователь вознамерился перевернуть традиционные представления о Вестфальском мире 1648 г.

Вопрос о методологии исследования представляется чрезвычайно важным, поскольку именно она определяет тот угол зрения, под которым автор намерен рассматривать исследуемую им проблему и, как следствие, именно она определяет и характер интерпретации собранного материала и, естественно, сущность полученных выводов. Б. Тешке не скрывает, что он в своих изысканиях исходит из следующих предположений. Он пишет, что «Миф о 1648 году...» «не только дистанцируется от литературы МО [международных отношений. – В. П.], но и создает *двойной интеллектуальный фронт*: во-первых, против *неовестфальского ренессанса в исторической социологии*, который объясняет процессы образования государств, происходившие в раннее Новое время, в первую очередь, с помощью модели модернизационного и рационализационного давления, вызванного военной и геополитической конкуренцией [камешек в огород сторонников т. н. «военной революции» раннего Нового времени, которой мы в свое время посвятили ряд своих работ (см., например, (Пенской, 2012) – В. П.]; во-вторых, отмежевываясь от *ортодоксального марксизма*, который объясняет образование государств прежде всего коммерциализацией и заморской торговлей и утверждает, что не только возникновение нововременного государства, но и вообще существование всей системы государств – а именно множественности государств – могут быть выведены из торгового капитализма [а здесь, пожалуй, Тешке неявно критикует позиции таких маститых исследователей, как Ф. Бродель и И. Валлерстайн. – В. П.]...» (Тешке, 2019: 14-15; курсив наш – В. П.).

Что же предлагает Б. Тешке в качестве основного методологического подхода вместо отторгаемых им «неовестфальского» и «ортодоксального марксистского» (в его понимании, пожалуй, последний стоило бы назвать «экономическим марк-

сизмом»)? Автор в предисловии к русскому изданию своей монографии дает следующий ответ: «В противоположность этому вводится и разрабатывается программа так называемого политического марксизма». В чем суть этого течения, в русле которого работает Б. Тешке? Европейский «плюриверсум» (термин автора) государств, согласно доктрине «политического марксизма», является отнюдь не результатом и не функцией капитализма, но логическим завершением процессов, развивавшихся в Европе в эпоху Средневековья. «Политический марксизм», указывает Б. Тешке, «подчеркивает специфику различных для конкретных регионов общественных отношений собственности, которые обуславливают характерные для них антагонистические стратегии воспроизводства и социальные конфликты». Как следствие, продолжает дальше исследователь, эти конфликты «приводят к большому разнообразию форм экономического развития, политического кооперирования, а также существующих геополитических связей» (Тешке, 2019: 15). И далее он отмечает, что складывание современной системы международных отношений связано с трансформацией позднесредневековых феодальных государств в современные капиталистические, в авангарде которых стояла Англия, пережившая Славную революцию 1688 г. Как следствие, Вестфальские соглашения 1648 г., полагает Б. Тешке, никак не могут быть началом новой эпохи в международных отношениях, поскольку главными действующими лицами переговорного процесса были отнюдь не современные национальные государства, а позднесредневековые феодальные политические субъекты разного уровня и ранга.

Такова вкратце основная идея исследования Б. Тешке (к ней мы еще вернемся по ходу рецензии). Пока же остановимся подробнее на том, как исследователь определяет цель и задачи своего труда.

В предисловии к русскому изданию он, касаясь этих вопросов, отмечал, что «настоящая работа представляет собой по-

пытку теоретической реконструкции генезиса и эволюции системы европейских государств в период от империи Каролингов до раннего Нового времени – реконструкции, понимаемой как исследование архитектоники и структурной трансформации международных порядков» (Тешке, 2019: 12). Свой интерес к этой проблеме он объясняет тем, что в последние десятилетия теория международных отношений как самостоятельная научная дисциплина, выделившаяся из политологии в начале минувшего столетия, переживает глубокий кризис. И, продолжая свою мысль далее, Б. Тешке указывает, что в контексте кризиса данной дисциплины он рассматривает свою книгу «как вклад в начавшийся в середине 1990-х годов “исторический поворот” в МО», отмечая при этом стремление «четче зафиксировать на понятийном уровне современные геополитические изменения» (Тешке, 2019: 13).

На какие же первостепенные вопросы стремится дать ответ автор в своей книге, представляя ее русскому читателю? Эти вопросы заключаются, по мнению Б. Тешке, в следующем: во-первых, что представляет из себя модерное государство (государство Нового времени); во-вторых, когда возникло это модерное государство и каковы были его конституционные (на наш взгляд, здесь лучше подошел бы термин «институциональные») предпосылки; в-третьих, когда и как возникла система современных государств и, наконец, в-четвертых, как можно концептуализировать геополитические отношения в безгосударственных обществах (Тешке, 2019: 13)?

Из этой четко и недвусмысленно сформулированной исследовательской программы следует, что, анализируя международный порядок эпохи Средневековья – раннего Нового времени, автор претендует, выражаясь словами Л.Н. Гумилева, на обзор истории международных отношений и соответствующего им миропорядка с высоты птичьего полета. Естественно, что при столь высоком

уровне обобщения от внимания исследователя не могли ускользнуть отдельные частные факты, которые могут если не разрушить, то, во всяком случае, существенно осложнить восприятие выдвинутых им тезисов (на что, кстати, и обращали внимание некоторые рецензенты). Впрочем, это родовая болезнь любых исторических теорий высокой степени абстракции и обобщения – взять те же критикуемые Б. Тешке неовеберовский и «ортодоксальный марксистский» подходы. Принимая эти соображения в расчет, посмотрим, насколько успешно автор «Мифа о 1648 году...» сумел выполнить свою исследовательскую программу и ответить на обозначенные в начале своего исследования вопросы.

По структуре работа Б. Тешке вполне традиционна. Во «Введении» исследователь раскрывает содержание «вестфальского мифа», указывая на его основополагающие принципы. В противовес ему, продолжает далее он, «в этой книге доказывается, что *1648 г., ни в коей мере не отмечая прорыв в сторону нововременных межгосударственных отношений, на самом деле был апогеем эпохи формирования абсолютистских государств*: он зафиксировал признание и упорядочение международных, или – если говорить более точно – междинастических отношений абсолютистских, династических политических образований» (Тешке, 2019: 25; курсив наш. – В.П.). И далее автор «Мифа о 1648 году...», чтобы «продемонстрировать *доновременную его природу*» (курсив наш. – В.П.), ставит перед собой задачу реинтерпретировать развитие и динамику развития системы межгосударственных отношений в Европе с VIII по XVIII вв., «опираясь на диалектический историко-материалистический метод» (Тешке, 2019: 46). Любопытно заметить, что автор исследования, касаясь теоретико-методологической основы своего исследования, пишет, что его цель состояла не в том, чтобы «выработать наиболее полную экзегезу “священных” текстов Карла

Маркса, а в том, чтобы проанализировать самые свежие результаты современной историографии, когда они значимы для теории МО» (Тешке, 2019: 29).

Намерение, конечно, более чем благое, однако здесь сразу бросается в глаза определенная субъективность автора: анализу будут подвергаться «самые свежие» работы и те из них, которые имеют значимость для теории международных отношений (вопрос – а что является критерием важности в данном случае? И какие работы могут считаться «свежими», а какие – нет?). На наш взгляд, автор сам себе противоречит, когда заявляет, с одной стороны, что «любое сочетание теории МО как социальной науки и истории должно начинаться с той посылки, что не существует всеобщего закона, который объяснял бы международное поведение во все времена, так же, как не существует общей объяснительной теории истории» (Тешке, 2019: 31). С другой же стороны, он, продолжая свою мысль, далее указывает, что «этот тезис не служит оправданием для методологического плюрализма, интеллектуального отречения в пользу предельной случайности и отступления к насыщенным повествовательным описаниям», поскольку такой «всеобщий закон» есть, и имя ему «теория общественных отношений собственности» (там же). Эту мысль, кстати, он повторяет и дальше – например, когда пишет о том, что «значение теории общественной собственности для всей области МО выходит далеко за пределы Средних веков. Оно применимо ко всем геополитическим порядкам, будь они племенными, феодальными, абсолютистскими или капиталистическими» (Тешке, 2019: 83).

Завершая «Введение», автор «Мифа о 1648 году...» кратко характеризует каждую из 8 глав своего исследования. Первая из них носит в значительной степени историографический характер – Б. Тешке делает в ней, как он пишет, «обзор шести влиятельных в среде МО интерпретаций исторического развития европейской системы государств», а именно «структурного

неореализма» К. Уолтца и его последователей, «историзирующего реализма» Р. Гилпина, «историзирующего конструктивизма» Дж. Рагги, «неоэволюционной исторической социологии» Х. Спрюйта и, наконец, неомарксистской теории МО Дж. Розенберга. Каждая из них, приходит к выводу автор «Мифа о 1648 году...», внесла определенный положительный вклад в изучение истории международных отношений в общем и проблемы 1648 года в частности, однако всем им, по мнению Б. Тешке, присущи те или иные недостатки, даже прорывным, как он их обозначает, работам Дж. Розенберга. В итоге, продолжает исследователь свою мысль, «чтобы двинуться дальше этих несовершенных попыток объяснить происхождение и развитие нововременной системы государств, мы должны разработать полную и связанную, исторически обоснованную и теоретически выверенную интерпретацию» (Тешке, 2019: 81).

Эта новая интерпретация, по мнению Б. Тешке, должна, во-первых, предложить теорию природы средневекового геополитического порядка и внутренних изменений в нем; во-вторых, ответить на вопрос, что послужило причиной формирования европейского политического плюриверсума; в-третьих, определиться с принципами вестфальской системы международных отношений и, наконец, в-четвертых, проследить процесс зарождения капитализма и первых нововременных государств, а также того, как им удалось навязать «свою логику политической организации и международных отношений в плюриверсуме, созданном процессом формирования абсолютистского государства...» (Тешке, 2019: 31). (Заметим, что Б. Тешке упорно относит так называемые «абсолютистские государства» к доновременным, немодерным.)

Можно только приветствовать столь смелую попытку создать всеобъемлющую теорию международных отношений от «Адама до Потсдама», однако вот что настораживает. Для того, чтобы обозреть

насчитывающую много веков историю международных отношений с высоты птичьего полета, выявить и проанализировать ее основные закономерности и факторы, оказывавшие решающее воздействие на ход и направление развития процессов в этой сфере человеческой деятельности, мало быть просто энциклопедистом, усвоившим и переработавшим колоссальную сумму знаний и фактов, накопленных за насчитывающую не одно десятилетие историю изучения вопроса. И уж точно нельзя полагаться на некий универсальный метод, способный раскрыть сущность процессов, происходивших в разные времена в разных обществах с разным же уровнем развития. В противном случае, так или иначе, но приходится идти на существенное упрощение и схематизацию социально-политических и экономических процессов в ту или иную эпоху, безжалостно отбрасывая сущности, которые представляются, согласно выбранной исследователем методологии, несущественными и избыточными для ответа на поставленные вопросы.

Недостатки выбранного Б. Тешке подхода проявляются уже в самом начале его работы. Откроем, к примеру, главу его работы, посвященную Средневековью. Буквально первые же ее строки дают нам такую характеристику отношений между крестьянами и феодалами в средневековом обществе: «Поскольку крестьяне обладали жизненными средствами, феодальная знать могла получить доступ к крестьянскому продукту лишь с помощью военных и политических средств» (Тешке, 2019: 82). Как будто все логично, все верно – но с точки зрения выбранного Б. Тешке подхода. Однако вряд ли с таким определением согласится сегодня хотя бы один историк-медиевист, внимательно отслеживающий ход дискуссий вокруг концепта «феодализм» в современной медиевистике.

Чтобы не ходить далеко за примерами, откроем последний выпуск отечественного журнала «Средние века» (отметим, что современная российская медиеви-

стика может считаться в лучшем случае «крепким середняком» и уступает западноевропейской по своему авторитету и влиянию на изучение Средневековья). Подводя итоги состоявшегося осенью прошлого года обсуждения отечественными медиевистами проблем развития западноевропейского феодализма, М.В. Винокурова отмечала, что «в ходе сессии было показано, что феодализм – это не только наличие социальных отношений по типу: фео́д – зависимое крестьянское земельное держание. Это не только лишь связанная с этими отношениями власть высшего над низшими; не чисто вещная (более всего – “земельная”) основа зависимости крестьян от сеньоров» (а именно об этом и говорит Б. Тешке, характеризуя сущность средневековых отношений собственности, и, отталкиваясь от такой примитивной, безнадежно устаревшей трактовки их, он дальше и выстраивает свою концепцию межгосударственных отношений в эту эпоху). Нет, продолжает дальше отечественный исследователь, пресловутый феодализм «прежде всего – *личные отношения, договорный союз между ними, основанный на службе одного другому и защите первого вторым*», причем «в этих отношениях, что очевидно, существовала потребность не только в господстве, но и в необходимости подчинения, в какой-то степени – в потребности “быть чьим-то человеком”» (Винокурова, 2020: 50-51; курсив автора. – В. П.).

Нетрудно заметить на этом примере, что, оперируя понятиями «класс» и «классовая борьба» (даже морская торговля эпохи раннего модерна у Б. Тешке носит классовый характер – доказательству этого тезиса в его работе посвящен целый раздел), исследователь заведомо загоняет себя в узкий коридор возможностей, существенно сужая свой исследовательский кругозор и ограничивая свои эвристические возможности. И это не единственный случай, когда Б. Тешке использует давно устаревшие наработки по тому же феодализму и, основываясь на них, делает опре-

деленные выводы, которые укладываются в его исследовательскую парадигму. Представляется, что главная проблема, с которой столкнулся Б. Тешке и с которой он не сумел справиться, – это стремление в ходе интеллектуального поиска оперировать определенными идеальными моделями, которые, к сожалению, именно в силу своей «идеальности» упрощают окружающий мир и сводят его к бинарным конструкциям. И как тут не процитировать слова Мефистофеля из «Фауста» Гете: «Теория, мой друг, суха, Но зеленеет древо жизни...»!

Однако продолжим дальше знакомиться с тезисами, которые выдвигает и защищает Б. Тешке. Пытаясь разобраться в причинах возникновения европейского плюриверсума, Б. Тешке обращает свой взор к проблеме «1000-го года» и пресловутой «феодальной революции» (термин, кстати, в последние десятилетия изрядно, и не без оснований, критикуемый многими медиевистами-«антимутационистами»). «В результате “феодальной революции” был учрежден новый способ политического господства и экономической эксплуатации, повлекший серию тесно связанных инноваций» (Тешке, 2019: 123-124). Каких? – возникает закономерный вопрос – и Б. Тешке отвечает на него: изменяется статус непосредственных производителей, которые из рабов и свободных превращаются в сервов; распад политических структур каролингского общества ведет к феодализации политической власти и замене имперской иерархии анархией феодальной, а затем анархией королевской; наконец, происходит внутренняя дифференциация знати, внутри которой формируется класс рыцарей.

Общий результат всех этих перемен, по мнению Б. Тешке, заключался прежде всего в определении региональных траекторий формирования отдельных государств (Тешке, 2019: 123-124). И вот здесь мы подступаем к самому интересному, на наш взгляд, моменту – развивая свой тезис, Б. Тешке пишет, что «в последующих главах [своего исследования. – В.П.] я проде-

монстрирую эти расхождения, взяв в качестве базового примера траектории двух главных европейских государств – Англии и Франции» (Тешке, 2019: 124). Выбор именно этих государств представляется довольно странным – с Францией все более или менее понятно, ибо Франция на протяжении Средневековья была действительно одной из наиболее могущественных тогдашних держав, но вот об Англии это можно сказать с определенной натяжкой. По мнению Тешке, основанием для такого выбора является то, что в XVII в. в Англии под влиянием сформировавшегося в результате эндогенных (sic!) процессов «капиталистического режима» аграрной собственности возникла модерная парламентская конституционная монархия. Британский историк Н. Хеншелл по этому поводу язвительно писал, что пресловутый ««абсолютизм» никак не связан с Англией», поскольку «историки-виги решили, что именно 1689 год ознаменовал окончательное размежевание между континентальным “абсолютизмом” и английской ограниченной монархией», и, как итог, «с этого времени Англию стали считать образцом свободы и управления чрез процедуру одобрения» (Хеншелл, 2003: 8). Во Франции же, развивавшейся по иной траектории, как заявляет Б. Тешке, средневековая монархия трансформировалась в монархию абсолютистскую, которая была основана на «некапиталистической аграрной экономике» (Тешке, 2019: 124).

Применительно к этому пассажи сразу возникает два вопроса. Первый – почему именно Англия была выбрана в качестве примера, а не та же Голландия. Пресловутые «эндогенные процессы», которые способствовали формированию в Голландии капиталистических отношений собственности как в аграрном секторе экономики, так и в иных, здесь были запущены в действие раньше, чем в Англии, и развивались успешнее вплоть до самого конца XVII в., и, если уж на то пошло, именно Голландия на протяжении большей части раннего Нового времени шла в авангарде

политического, социально-экономического и культурного развития в Западной Европе, опережая всех своих соседей, в том числе и Англию (см., например, исследование К. Дэвидса (Дэвидс, 2019)).

Второй вопрос связан с абсолютистским «дискурсом». Не секрет, что «абсолютизм» как идея (равно как и тот же «феодализм»), в современной западноевропейской исторической науке на протяжении нескольких предыдущих десятилетий (по меньшей мере, с середины 70-х гг. минувшего столетия) подвергается критике, а сама его концепция – пересмотру. В результате, как отмечал упоминавшийся выше Н. Хеншелл, «здание “абсолютизма” дало трещину, и прежние клише теперь повторяются без воодушевления» (Хеншелл, 2003: 8). Здесь любопытно следующее: исследования природы раннемодерных государств, особенностей функционирования их властных институтов показывают, что (снова процитируем Н. Хеншелла), «консенсус между монархами и правящей элитой был *основой всех политических режимов* Средневековья и раннего Нового времени» (Хеншелл, 2003: 11; курсив наш. – В.П.). Следовательно, и в Англии, и во Франции траектории политического развития в раннее Новое время находились в общем русле, отличаясь лишь в деталях, но не в сущностях. Во всяком случае, можно провести определенные параллели между «Великим мятежом» в Англии в 40-х гг. XVII в. и французской Фрондой – и в том, и в другом случае, по большому счету, речь шла о перераспределении властных полномочий между короной и политической элитой. Имеет ли в таком случае смысл противопоставлять Англию и Францию? Очевидно, что нет, а если и имеет, то только в том отношении, что в Англии в конечном итоге этот консенсус оказался более действенным и живучим (в силу своей большей формализованности?), а вот во Франции – нет (что, в конечном итоге и привело к падению французского Ancien régime в 1789 г.).

Подобного рода натяжки и произвольные допущения, опирающиеся на общую схему и отвергающие не вписывающиеся в нее частности, в работе Б. Тешке разбросаны, как говорится, сено и овамо. Так, в частности, он приводит как пример английский опыт политической организации после нормандского завоевания 1066 г., подчеркивая «необычайную централизацию Английского королевства, выражаемую в бесспорной монополии королевского бана» (Тешке, 2019: 166) в конце XI–XIV вв. Эта беспримерная централизация, по его мнению, обусловила внешнеполитические успехи Англии и ее превосходство над той же Францией. Однако при этом исследователь (преднамеренно или по незнанию?) опускает такую весьма важную подробность, как ожесточенная политическая борьба в Англии при преемниках Вильгельма Завоевателя, обусловленная регулярными династическими кризисами. В ходе этой борьбы английская знать добилась от короны существенного перераспределения властных полномочий в свою пользу и заложила основы английского варианта консенсуса между королевской властью и «политическим народом». При этом достигнутая Вильгельмом политическая централизация де-факто ушла в прошлое, практически не пережив своего создателя.

Другой, подобного же рода случай: Б. Тешке пишет, что «ни одно нововременное европейское государство, за исключением Англии после революции [имеется в виду Славная революция 1689 г. – В.П.], не достигло суверенитета в нововременном смысле» (Тешке, 2019: 192-193). Это свое парадоксальное утверждение он доказывает тем, что, к примеру, «нигде не произошло решающего перехода от наследуемой системы должностей к нововременной бюрократии», ибо «государственный аппарат на всех уровнях оставался в высшей степени персонализированным; четкого различия между публичным и частным не производилось». Далее он отмечает, что в этих «династически-

абсолютистских» государствах «управление оставалось “иррациональной” сетью личных зависимостей, характеризуемой продажностью официальных постов, патронажем, клиентелизмом, фаворитизмом и кумовством». «Внутри армии практика продажи постов означала, – продолжает дальше Б. Тешке, – что представители знати покупали себе звание полковников и целые полки на собственные средства, рекрутируя, содержа и распуская солдат так, как им вздумается». Наконец, завершает свою филиппику, обращенную против абсолютистских монархий раннего Нового времени, исследователь, «правовая система... в равной степени страдала от последствий продажности, а сохранение феодальных судов и региональных кодексов нарушало принципы правового единообразия». Следовательно, по мнению Б. Тешке, «в ранненовременном государстве не обнаруживается ни одна из черт, типичных для нововременного государства» (Тешке, 2019: 192-193).

Однако проблема в том, что большая часть черт, характерных для абсолютистского ранненовременного государства (в изложении Б. Тешке) характерна и для Англии в том числе, причем целый ряд из них продолжил свое существование и после 1688 г. И снова обратимся к Н. Хеншеллу. Он указывает, что, к примеру, «в Англии обыкновение покупать места на государственной службе *не афишировалось*, но укоренилось оно столь же прочно, как и во Франции» (курсив наш. – В.П.). Как результат, продолжает историк, «в министерствах страны доминировал узкий круг знатных семейств», что неизбежно вело к тому, что «связи внутри элиты были крепкими, а родство и дружба для аристократов были главными узами и определяли их политическую позицию». Что же мы имеем в итоге, по мнению Н. Хеншелла? А вот что – «ни в Англии, ни во Франции *государь не мог властвовать, опираясь только на официальные институты и бюрократические учреждения*» (курсив наш. – В.П.), поскольку «до конца XIX столетия

мысль о необходимости подчиняться решениям правительства не внедрилась в умы настолько, чтобы государство могло отказаться от построения клиентелы». И это неизбежно вело к тому, что «оба режима опирались на пирамиду патроната, основание которого находилось в провинции, а вершина – при дворе» (Хеншелл, 2003: 112-114).

Отметим, что сам Б. Тешке понимает это и, описывая политическое устройство французского Ancien régime, указывает на то обстоятельство, что «король не мог править без привилегированных слоев общества, поскольку он нуждался в их поддержке <...> Привилегированные слои, в свою очередь, понимали, что их выживание и привилегии... зависели от прибылей, получаемых от королевских постов, а также от королевской военной защиты» (Тешке, 2019: 163). Однако констатацией этого факта относительно Франции он и ограничивается, не распространяя его действие на Англию (при том, что тот же Хеншелл и его «Миф абсолютизма...» упоминается им в его работе). Для него представляется очевидным, что «во Франции раннего Нового времени *не было никаких институциональных признаков нововременного государства*» (Тешке, 2019: 316; курсив наш. – В.П.). Но ведь, при менее предвзятом отношении, и новременная Англия также не может служить образцом для подражания – ее политическая система, как было показано выше, была поражена теми же пороками, что и французская. И сама по себе «Славная революция» 1688 г. никак не может считаться Рубиконом, за которым начинается история новой буржуазной, капиталистической Англии (на чем все время делает акцент Б. Тешке). Такими ключевыми моментами, на наш взгляд, могут считаться чартистское движение и парламентские реформы второй четверти XIX в., действительно подчеркнувшие серьезные перемены, произошедшие со времен Славной революции внутри английской правящей элиты, однако это уже совершенно иная эпоха.

Обращение к этому и другим подобного же рода сюжетам выбивает почву из-под главного тезиса Б. Тешке, на котором строится все его исследование – Англия на протяжении XVII в. превращалась в настоящее модерное государство, и со Славной революцией 1688 г. этот процесс был завершен. На деле же Англия, ее политическая система (а именно она в первую очередь оказывает воздействие на внешнюю политику, а уж потом пресловутые «отношения собственности»), несмотря на все произошедшие со времен «Великого мятежа» перемены, оставалась достаточно консервативной, сохраняя массу пережитков седой старины и в этом отношении мало чем отличаясь от политических учреждений континентальных государств. Еще раз подчеркнем – сегодня можно с уверенностью утверждать, что Англия и Франция в раннее Новое время представляли собой два несколько различающихся в деталях, но сохраняющих общее генетическое родство варианта развития политической системы, унаследованной от Средневековья. И в этом отношении Великая французская революция 1789 г. действительно была великой и действительно революцией, поскольку, в отличие от «революций» в Нидерландах в XVI в. и в Англии в XVII столетии, она на самом деле открыла новую страницу в истории.

Перечень подобных несообразностей и натяжек можно продолжить и дальше, но, пробравшись через хитросплетения авторского текста, можно, тем не менее, сделать парадоксальный вывод. Отметим, что, вооружившись негодным инструментарием и подгоняя под свою теорию факты, исследователь, тем не менее, пришел к верному результату: Вестфальский мир 1648 г. действительно не стал поворотным пунктом в истории международных отношений и не открыл новую, модерную, их страницу. Перед нами тот самый случай с теорией, о котором К. Поппер писал в свое время, что она, теория, может быть ненаучной, но при этом давать верные результаты (Поппер, 1983: 246-248). Кстати, ха-

рактируя «Миф о 1648 годе...», отметим и еще одну особенность этой работы, затрудняющую ее восприятие – тяжелый язык. Текст порой сложен до такой степени, что через него буквально приходится продирается, как через лесной бурелом, пытаясь понять, что же хотел сказать автор. Известное присловье «Кто ясно мыслит – ясно выражается» к монографии Б. Тешке явно не относится. Впрочем, здесь, возможно, сказалась также и роль переводчика, который не стал упрощать текст, а оставил его таким, какой он есть.

Но может ли обозначенный парадокс быть объяснен иначе, с использованием иных методологических подходов, без привлечения устаревшей классово-теоретической теории, отношений собственности и т. п.? На наш взгляд, да, может, и на то есть, как нам представляется, веские причины.

Попробуем в нескольких абзацах представить наше видение проблемы с исторической точки зрения. Соглашаясь в целом с приматом экономики над политикой и «базиса» над «надстройкой», тем не менее, мы будем исходить из того, что «надстройка» обладает значительной автономией от «базиса». Это во-первых, а во-вторых, мы исходим из того, что процессы, протекающие на разных уровнях развития человеческого общества, идут с разной скоростью. В «надстроечной» сфере они развиваются медленнее, нежели в «базисе», и это связано, на наш взгляд, в первую очередь с особенностями изменений коллективной ментальности общества, его взгляда на мир и присущего для него инструментария, посредством которого этот мир осваивает и воспроизводит в коллективном сознании.

Исходя из этих предпосылок, отметим, что ранненовоярусное (ранне-модерное) общество, по сути, оставалось обществом средневековым, обществом консервативным и традиционным, обществом, которое американский социолог Э. Тоффлер относил к обществам 1-й волны (Тоффлер, 2004: 32-33, 39, 40). Эти социумы можно еще назвать аграрными, по-

скольку именно в деревне проживало в эту эпоху большинство населения, деревня давала и большую часть валового продукта и определяла характерные черты коллективной ментальности и мировосприятия. Это мировосприятие носило ярко выраженный традиционалистский характер – общества 1-й волны были, по классификации К. Леви-Строса, «холодными». Характерным свойством, особенностью «холодных» социумов, указывал французский антрополог, было то, что они «желают его [неизбежный процесс перемен и изменения привычного образа жизни. – В.П.] игнорировать и пытаются со сноровкой, недооцениваемой нами, сделать, насколько это возможно, постоянными состояниями, считающиеся ими “первичными” относительно своего развития...» (Леви Стросс, 2008: 439; курсив наш. – В.П.).

Итак, если исходить из того, что западноевропейское ранне-модерное общество было обществом 1-й волны и, как следствие, консервативным по своему настрою (во всяком случае, основная его часть), то стоит ли, в таком случае, удивляться тому, что и «революция» в Нидерландах, и «Великий мятеж» в Англии носили ярко выраженный традиционалистский характер? И там, и там «оппозиция» выступала против нарушения своих старинных прав и свобод, привилегий, укоренившихся в общественном сознании, со стороны королевской власти. В известном смысле здесь даже можно вести речь об определенном откате назад в политической сфере (если полагать ранне-модерный «абсолютизм» шагом вперед в сравнении со средневековыми «рассеянными» монархиями). Больше того, даже если вести речь об интеллектуальной элите того времени, то сама идеология эпох Ренессанса, Реформации и Контрреформации имела четкий привкус традиционализма и была обращена назад, в прошлое. Отсюда и вопрос – откуда в такой среде, пропитанной духом традиционализма, могла возникнуть идея, способная стать началом новой эры в международных отношениях – ведь политику

творяют политики. А эти политики как личности формировались под воздействием тех идей, которые господствовали в «коллективном бессознательном» того общества, в котором они родились, сформировались и действовали.

Стоит обратить внимание на наблюдения о Вестфальском мире, сделанные отечественным историком А.Ю. Прокопьевым, – эти наблюдения подтверждают выдвинутый нами тезис. Он писал, что «люди XVII в. мыслили категориями высшей справедливости, источником которой выступала божественная воля...» (И это не преувеличение, ибо до наступления века Просвещения и рационализма было еще далеко, а Реформация и Контрреформация, которые всеми силами пытались, и не без успеха, «интериоризировать» христианское вероучение, еще не исчерпали свой идеологический потенциал.) Как итог, продолжает ученый, «акт заключения мира виделся им триумфом разума во имя Бога и Его славы, война же грезилась бичом Господним». Результатом же мира должно было стать, и с этим утверждением А.Ю. Прокопьева стоит согласиться, восстановление справедливого, т.е. установленного самим Господом порядка, который люди в силу своей испорченной первородным грехом природы нарушили. Справедливый же порядок и мир, восстанавливающий его, должны были исправить те нарушения и те причины, которые к ним приводили, но этот мир, указывает А.Ю. Прокопьев, «не мог породить принципиально новой модели, он мог лишь вернуть к балансу репутаций и чести» (Прокопьев, 2020: 370-371). Учитывая эти обстоятельства, несложно представить, как могли быть восприняты обществом того времени попытки внести некие новшества в устоявшийся порядок. И, напротив, стремление восстановить традицию, пусть даже и отредактированную (но с самыми лучшими намерениями – во имя восстановления все того же Божественного мироустройства), только приветствовались.

Одним словом, прежде чем новые явления в политике и в международных отношениях стали бы не просто явью, но заняли бы доминирующие позиции, определяли бы ход их развития, должно было пройти немало времени. Следовательно, становление новой системы международных отношений, характерной для Нового времени, – явно не одномоментный акт, но длительный процесс, растянувшийся на несколько десятилетий, если не столетий.

Характеризуя данный процесс эволюции международных отношений от средневековых к современным, мы бы выделили в нем несколько основных этапов. На первом, пожалуй, речь шла о выработке новых идей и концепций, формировании своего рода интеллектуального «бульона», в котором предстояло «вариться» будущим политикам и дипломатам. Парадоксально, но факт – консервативные по своей направленности (обращенности в прошлое, в котором виделся некий идеал) идеологии Ренессанса и Реформации (а затем и Контрреформации), опиравшиеся на результаты осмысления окружающего мира, полученные предыдущими поколениями средневековых книжников, ускорили процесс формирования этой новой идеологии. Деятельность таких мыслителей, как, например, Н. Макиавелли, Ж. Боден или Г. Гроций, а также ряда других, сыграла немалую роль в складывании новых взглядов на тот же суверенитет или характер международных отношений раннего Нового времени.

Вместе с тем эта идеологическая подготовка нового этапа в развитии международных отношений сама по себе не могла стать основой для начала нового этапа в их истории. Это могло случиться, на наш взгляд, только тогда, когда новые идеи (вольно пересказывая немодного ныне классика¹) овладевали массами и превращались в материальную силу. Но, чтобы это произошло, необходима была смена поколений действующих политиков.

¹ Карла Маркса. – *Прим. ред.*

Необходимо было, чтобы главные действующие лица, акторы политической драмы, разыгрывавшейся на подмостках европейского раннего Нового времени, вольно или невольно, но осознали значимость новых идей и необходимость предпринимать действия в соответствии с новыми принципами. Здесь нельзя не вспомнить идеи, высказанные Т. Куном. Анализируя процессы смены научной парадигмы, он отмечал, что «усвоение новой теории требует перестройки прежней и переоценки прежних фактов, внутреннего революционного процесса, который... никогда не совершается в один день...» (Кун, 2002: 30), и что всякие попытки внедрения новой научной парадигмы встречают упорное сопротивление. «Источник сопротивления лежит в убежденности, – писал он дальше, – что старая парадигма в конце концов решит все проблемы, что природу можно втиснуть в те рамки, которые обеспечиваются этой парадигмой...» (Кун, 2002: 197). Только смена поколений может завершить этот процесс, подчеркивал ученый.

Любопытные наблюдения, имеющие прямое и самое что ни на есть непосредственное отношение к этому явлению, сделал А.Ю. Прокопьев. Анализируя предысторию и историю Тридцатилетней войны, он отмечал, что на ее начало и ход дважды оказала серьезное воздействие смена поколений имперских политиков. Уход с политической сцены старшего поколения имперских князей, стоявших у основания Аугсбургского религиозного компромисса 1555 г., и приход на смену им более радикально и непримиримо настроенных молодых властителей в конце XVI–начале XVII вв., отнюдь не склонных решать возникающие проблемы в рамках традиционных имперских политических и правовых структур, ускорили начало крупномасштабного внутриимперского военного конфликта. Точно так же смена поколений среди германских политиков в годы Тридцатилетней войны ускорила ее завершение и заключение компромиссного по своей

сути Вестфальского мира (Прокопьев, 2008: 319, 338, 398-399).

Развивая тему смены поколений имперских князей и политиков, отметим, что, несмотря на все перемены, их мышление все равно еще оставалось вполне традиционным и направленным на воспроизводство «старины», крепко засевшей в их головах и диктовавшей им свои условия. Обратившись к текстам подписанных в Мюнстере и Оснабрюке соглашений (отметим, кстати, что эти договоры были написаны на латыни, в отличие от мюнстерского же соглашения между Испанией и Голландией – это само собой косвенным образом свидетельствует в пользу их традиционности, и на русский язык перевода этих текстов как не было, так и нет до сих пор), нетрудно заметить, что по своему содержанию они вполне традиционны. Уже упоминавшийся нами А.Ю. Прокопьев отмечал, что «Вестфальский мир видится прежде всего компромиссом, “вымученным” тридцатилетием военного лихолетья... Империя как целостная структура была спасена и обрела дыхание жизни», при этом «компромисс, достигнутый в 1648 г., не стал для нее “революцией”, он не создал принципиально нового политического порядка» (Прокопьев, 2008: 425).

В такой оценке Вестфальского мира ученый не одинок. Другой отечественный исследователь, на этот раз не историк, но международник, А.В. Куприянов, также указывает на то, что Вестфальский мир, вопреки широко распространенному мнению, не привнес в международные отношения ничего существенно нового и революционного (см., например: Куприянов, 2019а; Куприянов 2019б). В самом деле, если обратиться к статьям обоих соглашений, Мюнстерского и Оснабрюкского, то нетрудно заметить, что все они так или иначе вращаются вокруг одних и тех же вполне традиционных проблем – внутреннего устройства Священной Римской империи и территориальных переделов. При этом, если, к примеру, коснуться первой проблемы, то, по большому счету, Вест-

фальский мир был всего лишь улучшенной редакцией Аугсбургского религиозного мира 1555 г. – в первом были исправлены недочеты второго, которые во многом предопределили ход событий, приведший к началу Тридцатилетней войны. Что же касается второго, то и здесь традиционализм дипломатов, вырабатывавших и согласовывавших условия послевоенного урегулирования, просматривается более чем отчетливо. Что с того, что Франция получила ряд эльзасских и лотарингских городов, если они, как отмечал А.В. Куприянов, *«продолжали платить империи налоги, подчинялись законам Священной Римской империи и посылали своих представителей в рейхстаг на протяжении еще нескольких десятилетий...»* (курсив наш. – В.П.). Можно ли в таком случае вести речь о пресловутом суверенитете? Очевидно, что нет. Кстати, А.В. Куприянов отмечал, что попытка Людовика XIV установить над благоприобретенными по итогам Тридцатилетней войны имперскими территориями действительный суверенитет французской короны стала одним из поводов объявления войны Империей Франции в 1674 г. (Куприянов, 2019б: 16).

Точно также можно пройти по всем остальным составляющим «вестфальского мифа» и, детально разобрав их, прийти к выводу, что Вестфальский мир не принес в практику международных отношений раннего Нового времени ничего радикально нового и вовсе не стал этапным событием в истории дипломатии и межгосударственных отношений. И это, пожалуй, единственное, в чем сходится Б. Тешке с другими критиками «вестфальского мифа». Вместе с тем еще раз подчеркнем, что такой вывод он получил не благодаря, а вопреки избранному методу исследования. Главная, на наш взгляд, проблема его метода и, следовательно, его работы, заключается в том, что исследователь не берет в расчет субъективный момент, пропускает фактор личности в истории. Мы не случайно акцентировали свое внимание имен-

но на субъективном аспекте «вестфальского мифа» – равно если взять середину XVII в. или наши дни. Историю творят люди, а не отношения собственности – в нашем случае, с одной стороны, политики и дипломаты, а с другой – собственно историки («нет истории без историка»). Но и в том и в другом случае необходимо прежде всего брать в расчет роль личности в истории, а уж потом все остальное. И для понимания того, какими мотивами руководствовались те или иные действующие лица в разыгрываемой исторической драме, необходимо в первую очередь составить представление относительно того образа мира и той системы ценностей и жизненных ориентиров, которыми они руководствовались в своей деятельности. Б. Тешке отставил в сторону этот чрезвычайно важный момент, поскольку он не входит в ядро его научной парадигмы.

Подведем общий итог. Книга Б. Тешке, безусловно, представляет определенный интерес уже хотя бы потому, что отечественный читатель (в равной степени и специалист, и любитель) не избалован ни вообще литературой по раннему Новому времени, ни тем более исследованиями, которые так или иначе связаны с ключевыми событиями этого периода истории. Главным образом, это касается переводной литературы – огромный пласт зарубежной историографической традиции, прежде всего новейшей, «постклассической», если так можно выразиться, малодоступен, в особенности на периферии, вдали от столиц. Ресурсы интернета на сегодняшний день лишь частично снимают эту проблему, поскольку сохраняется и языковой барьер, и финансовый – многие ресурсы, связанные с проблемами истории раннего Нового времени, платные. Да и, наконец, надо знать, что и где искать. Поэтому выход в свет переводных работ можно только приветствовать, тем более если они неординарны и заставляют мыслить. «Миф о 1648 году...» Б. Тешке относится как раз к такого рода исследованиям. Конечно, далеко не со всеми его утверждениями мож-

но согласиться, большие вопросы вызывает его методология, работа не лишена имманентных недостатков и явных натяжек, призванных втиснуть в прокрустово ложе теории «зеленеющее древо жизни». Однако, если оставить в стороне претензии, стоит согласиться с тем, что «Миф о 1648 году...» в некотором смысле стало этапным явлением в западной, а теперь и в отечественной историографии Тридцатилетней войны в частности и раннего Нового времени в общем. Без учета тезисов, высказанных Б. Тешке, сложно представить теперь сколько-нибудь серьезное исследование, посвященное Вестфальскому миру и становлению модерной системы международных отношений.

Источники

Тешке, Б. Миф о 1648 году: класс, геополитика и создание современных международных отношений / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 416 с.

Teschke, B. The Myth of 1648: class, geopolitics, and the making of modern international relations. London, New York: Verso, 2003. 308 p.

Литература

Винокурова, М.В. Что удалось обсудить в ходе сессии по феодализму на конференции «Переосмысление Средневековья, или аудит российской медиэвистики» // Средние века. 2020. № 81 (1). С. 48-56.

Дэвидс, К. 450 лет лидерства. Технологический расцвет Голландии в XIV – XVIII вв., и что за этим последовало. М.: Альпина Паблишер, 2019. 638 с.

Ивонина, Л.И. Монополизация власти и государственный суверенитет в эпоху классической Европы // Исторический формат. 2015. № 1. С. 92-103.

Киссинджер, Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2019. 544 с.

Кун, Т. Структура научных революций. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. 608 с.

Куприянов, А.В. «Вестфальский миф» и «Вестфальский суверенитет» // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 3. С. 11-23.

Куприянов, А.В. «Вестфальский миф»: история и критика // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 3. С. 37-50.

Леви-Стросс, К. Неприрученная мысль // Леви-Стросс, К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академический проект, 2008. С. 143-501.

Минаев, А.И. Исторические корни современной системы международных отношений // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2016. № 4 (53). С. 55-61.

Пенской, В.В. Переворот в военном деле Западной Европы конца XV-XVII века в новейшей англоязычной историографии // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 152-158.

Поппер, К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 605 с.

Прокопьев, А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола 1555-1648. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. 483 с.

Прокопьев, А.Ю. Тридцатилетняя война. СПб.: Наука, 2020. 385 с.

Саямов, Ю.Н. Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня // Век глобализации. 2018. № 3. С. 95-105.

Тоффлер, Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. 781 с.

Хеншелл, Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.

Beaulac, St. Emer De Vattel and the Externalization of Sovereignty // Journal of the History of International Law. 2003. Vol. 5. Pp. 237-292.

Beaulac, St. The Westphalian Legal Orthodoxy – Myth or Reality? // Journal of the History of International Law. 2000. Vol. 2. Iss. 2. Pp. 148-177.

Croxton, D. The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty // The International History Review, 1999, vol. 21, № 3. Pp. 569-591.

Kollmann, N.S. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 504 p.

Krasner, S.D. Westphalia and All That // Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change. / Ed. Goldstein, J., Keohane, R. London, Cornell University Press, 1993. Pp. 235-264.

Little, R. The Myth of 1648: Class, Geopolitics and the Making of Modern International Relations by Benno Teschke. Review // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944). 2004. Vol. 80. № 3. Regionalism and the

Changing International Order in Central Eurasia. Pp. 535-536.

Mansbach, R. In Search of the Real State. The Myth of 1648: Class, Geopolitics and the Making of Modern International Relations by Benno Teschke // *International Studies Review*. 2004. Vol. 6. № 2. Pp. 315-317.

Miller, St. The Myth of 1648: Class, Geopolitics and the Making of Modern International Relations by Benno Teschke. Review // *Journal of Social History*. 2004. Vol. 38. № 1. Pp. 213-215.

Osiander, A. Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth // *International Organization*. Vol. 55. № 2. Pp. 251-287.

Parrott, D. The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations by Benno Teschke. Review // *The International History Review*. 2005. Vol. 27. № 1. Pp. 134-136.

Teschke, B. Debating 'The Myth of 1648': State Formation, the Interstate System and the Emergence of Capitalism in Europe – A Rejoinder // *International Politics*. 2006. Vol. 43. Pp. 531-573.

Teschke, B. Geopolitical Relations in the European Middle Ages: History and Theory // *International Organization*. 1998. Vol. 52. № 2. Pp. 325-358.

Teschke, B. Theorizing the Westphalian System of States: International Relations from Absolutism to Capitalism // *European Journal of International Relations*. 2002. Vol. 8. № 1. Pp. 5-48.

Sources

Teschke, B. (2019), *Mif o 1648 gode: klass, geopolitika i sozdanie sovremennyh mezhdu-narodnyh otnošenij* [The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations], Translated by D. Krалechkina, Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia (in Russ.).

Teschke, B. (2003), *The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations*, Verso, London, New York.

References

Beaulac, St. (2000), "The Westphalian Legal Orthodoxy – Myth or Reality?", *Journal of the History of International Law*, 2 (2), 148-177.

Beaulac, St. (2003), "Emer De Vattel and the Externalization of Sovereignty", *Journal of the History of International Law*, 5, 237-292.

Croxton, D. (1999), "The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty", *The International History Review*, 21 (3), 569-591.

Dauids, K. (2019), *450 let liderstva. Tekhnologicheskij rascvet Gollandii v XIV – XVIII vv., i chto za etim posleodovalo* [The Rise and Decline of Dutch Technological Leadership. Technology, Economy and Culture in the Netherlands, 1350-1800], Al'pina Publisher, Moscow, Russia (in Russ.).

Henshell, N. (2003), *Mif absolyutizma. Peremny i preemstvennost' v razvitiu zapadnoevropejskoj monarhii rannego Novogo vremeni*. [The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy], Aletejya, Saint-Petersburg (in Russ.).

Ivonina, L. I. (2015), "Monopolization of power and state sovereignty in the era of classical Europe", *Istoricheskij format* [Historical format], 1, 92-103 (in Russ.).

Kissinger, G. (2019), *Mirovoj poryadok* [World Order], AST Publishing, Moscow, Russia (in Russ.).

Kollmann, N. S. (2012), *Crime and Punishment in Early Modern Russia*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Krasner, S. D. (1993), "Westphalia and All That", *Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change*, in Goldstein, J., Keohane, R. O. (ed.), Cornell University Press, London, 235-264.

Kuhn, T. (2002). *Struktura nauchnyh revolyucij* [The Structure of Scientific Revolutions], AST Publishing, Moscow, Russia (in Russ.).

Kupriyanov, A. V. (2019), "'Westphalian myth' and 'Westphalian sovereignty'", *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN* [Analysis and forecast. Journal of IMEMO RAN], 3, 11-23 (in Russ.).

Kupriyanov, A. V. (2019), "'Westphalian myth': history and criticism", *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN* [Analysis and forecast. Journal of IMEMO RAN], 3, 37-50 (in Russ.).

Levi-Stross, K. (2008), "The Savage Mind", *Totemizm segodnya. Nepriruchennaya mysl'* [Totemism. The Savage Mind], Academicheskij proect, Moscow, Russia, 143-501 (in Russ.).

Little, R. (2004), "The Myth of 1648: Class, Geopolitics and the Making of Modern International Relations by Benno Teschke. Review", *International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944)*, 80 (3), Regionalism and the Changing International Order in Central Eurasia, 535-536.

Mansbach, R. (2004), "In Search of the Real State. The Myth of 1648: Class, Geopolitics and the Making of Modern International Relations by Benno Teschke", *International Studies Review*, 6 (2), 315-317.

Miller, St. (2004), "The Myth of 1648: Class, Geopolitics and the Making of Modern International Relations by Benno Teschke. Review", *Journal of Social History*, 38 (1), 213-215.

Minaev, A. I. (2016), "Historical roots of the modern system of international relations", *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina* [Bulletin of Yessenin Ryazan State University], 4 (53), 55-61 (in Russ.).

Osiander, A. (2001), "Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth", *International Organization*, 55 (2), 251-287.

Parrott, D. (2005), "The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations by Benno Teschke. Review", *The International History Review*, 27 (1), 134-136.

Penskoy, V. V. (2012), "Revolution in the Warfare of Western Europe at the end of the 15th-17th centuries in the latest English-language historiography" *Novaya i novejshaya istoriya* [New and modern history], 3, 152-158 (in Russ.).

Popper, K. (1983), *Logika i rost nauchnogo znaniya* [The Logic of Scientific Discovery], Progress, Moscow, Russia (in Russ.).

Prokop'ev, A. Yu. (2008), *Germaniya v epokhu religioznogo raskola 1555-1648* [Germany in the era of religious schism 1555-1648], Publishing House of St. Petersburg University, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Prokop'ev, A. Yu. (2020), *Tridtsatiletnyaya voina* [Thirty Years' War], Nauka, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Sayamov, Yu. N. (2018), "Westphalian world and its principles yesterday and today", *Vek globalizacii* [Age of globalization], 3, 95-105 (in Russ.).

Teschke, B. (1998), "Geopolitical Relations in the European Middle Ages: History and Theory", *International Organization*, 52, (2), 325-358.

Teschke, B. (2002), "Theorizing the Westphalian System of States: International Relations from Absolutism to Capitalism", *European Journal of International Relations*, 8 (1), 5-48.

Teschke, B. (2005), "Debating "The Myth of 1648": State Formation, the Interstate System and the Emergence of Capitalism in Europe – A Rejoinder", *International Politics*, 43, 531-573.

Toffler, E. (2004), *Tret'ya volna* [The Third Wave], AST Publishing, Moscow, Russia (in Russ.).

Vinokurova, M. V. (2020), "What we managed to discuss during the session on feudalism at the conference "Rethinking the Middle Ages, or audit of Russian medieval studies"", *Srednie veka* [Middle Ages] 81 (1), 48-56 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории государства и права, Юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskoj@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vitaliy V. Penskoj, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; penskoj@bsu.edu.ru